

ИДЕЙНАЯ БОРЬБА УНИВЕРСИТЕТОВ: ВОЗМОЖНА ЛИ ОНА В РОССИИ?

Александр Филиппов

Александр Филиппов — российский философ и социолог, заведующий кафедрой практической философии ГУ-ВШЭ, ведущий научный сотрудник Института социологии РАН

Идеологическое позиционирование университетов в России крайне затруднено, поскольку у нас нет ни одной четко сформулированной идеологии. Я с трудом представляю себе хотя бы один крупный университет, руководители которого не были бы согласны с установками, озвученными первыми лицами страны, и **не могу себе представить ни одного ректора — противника модернизации.** Когда вместо «модернизации» ключевым словом политической риторики станет что-то другое, противников тоже не будет.

«Автохтоны» и «глобалисты»

Конечно, существует расхожее представление о том, что некоторые классические университеты склонны к консерватизму. Но какими им еще быть? Университетская автономия, пределы которой везде относительны, позволяет не менять так уж быстро, да-

же под давлением обстоятельств, сложившиеся убеждения или менять их сообразно внутренней логике, а не из желания подлаться. Найти оптимальное соотношение консервативности и чувствительности к новому по формальным и универсальным критериям невозможно. Поэтому чаще всего там, где казалось, что университеты стали малоподвижными, застойными, усилия бывали направлены не на радикальное преобразование существующих университетов или факультетов, а на создание новых исследовательских и образовательных структур, в том числе и новых университетов с новыми командами преподавателей.

Нечто похожее происходит и в России. Но вот выполнять роль «мозгового треста», по-моему, не готов ни один университет, ни старый, ни новый. Впрочем, здесь нужна ясность. Если говорить не об университетах в целом, а о том, чтобы такого рода центры образовались внутри них, то почему бы и нет? Кто-то из преподавателей или студентов может стать в известных обстоятельствах лидером общественного мнения. Но переносить это качество на весь университет все равно не получится. Здесь нужна осторожность в отношении временных горизонтов.

Может быть, как раз сейчас, в то самое время, когда я говорю о сравнительно незначительной роли университетов в политике, в одном-двух из них идет медленная, подспудная работа нового поколения мыслителей, которому через несколько лет мы будем внимать с восторгом или ужасом. **Что касается значения университетов как мест социализации правящих слоев, то оно естественным образом нарастает и будет расти дальше.** Различия в убеждениях и стилях преподавания между профессурой разных университетов получают какое-то продолжение и

в самой политике. Но это дело будущего. О предпочтениях всего студенчества мне судить невозможно, но все-таки преподавал я много и в самых разных местах.

Мне кажется, что существует не столько однозначный тренд, сколько довольно любопытное разделение, не совпадающее с размежеванием по политическим предпочтениям. Для себя, совершенно ненаучно, я назвал его **разделением на «автохтонов» и «глобалистов».** Первые не только будущую свою жизнь и карьеру связывают с родными местами, но и в принципе выбираются куда-либо, особенно же за границу, крайне редко и с большой неохотой. У вторых желание побывать в других местах реализуется в отчетливых жизненных стратегиях. Повторю, в этом членении нет ничего политического, точнее, политическое здесь заложено куда более глубоко, чем в обычных противостояниях «старого» и «нового».

Многие «старые» охотно вкушают блага научного туризма, тогда как люди, старающиеся работать на мировом уровне, могут ограничиваться чтением всего, что доступно теперь благодаря сетям, но не двигаться с места, не стремиться увидеть все на месте своими глазами. В терминах социологии мобильностей Дж. Урри, речь может идти о «воплощенной» (телесной) и развоплощенной мобильности. Я бы не стал об этом говорить, если бы не обнаружил, что **ценность личного соприкосновения с западной наукой, с научной культурой западных университетов, столь очевидная для многих студентов и молодых преподавателей.** Пока еще рано говорить, впрочем, насколько сильна эта тенденция и что она будет означать для общего состояния интеллектуальной среды.

Однако человека, никогда не жившего на Западе, не стажиро-

вавшегося в западном университете, не писавшего для западных научных журналов или ограничившего свое знакомство с мировой наукой фуршетом на конгрессах, я легко опознаю по стилю его публичной самопрезентации, как правило, в высшей степени самобытному.

Модернизация против статус-кво

Конечно, все знают, что ГУ-ВШЭ – либеральное заведение, а МГУ склонен к консерватизму, как и всякий старый большой университет. Однако МГУ – это такая машина, соперничать с которой невозможно. Хотя ГУ-ВШЭ динамично развивается, я с трудом могу представить себе, что у нас когда-нибудь появятся такие факультеты, как биологический, геологический, географический, химический и т.п. Представлять себе наш университет как железную армию либералов, движимых единой волей в едином строю было бы крайне неправильно.

Либерализм Вышки – это либерализм внутреннего устройства, предполагающего сосуществование очень разных точек зрения. Именно с этим и связана эффективность ГУ-ВШЭ: **наш университет – это комфортная интеллектуальная среда интеллектуальной работы, как оперативной, так и фундаментальной.** Я уверен, что на этом основано его превосходство над аналогичными учреждениями. В нашей нынешней жизни вообще достаточно иметь определенную, внятную, выношенную позицию по любому важному вопросу, чтобы оказаться в ситуации противостояния – будь то с маловразумительными охранителями, будь то с реформистами и модернизаторами, имеющими иной взгляд на суть процесса, так что на острие дискуссий в какой-то момент может оказаться любое наше подразделение.

Кстати, сам термин «модернизация» кажется мне неудачным. Представить дело так, что есть некий модерн, то подлинно современное состояние, к которо-

му мы все идем-идем, но никак его не достигнем (отсюда все разговоры о запаздывающей, догоняющей и прочая модернизации, отсюда же и бессмысленная категория транзита), можно только ценой сужения поля возможных размышлений.

Другое дело, что лучше уж так обозначить необходимость движения, чем настаивать на сохранении статус-кво. И в связи с этим сразу видно, почему нельзя просто ответить на вопрос о роли университетов. Университеты разные бывают, **высшее образование не обязательно является гарантией того, что выпускники будут ориентированы на модерн.** Откуда у нас берутся консервативные мыслители и политики? Разве у них непременно плохое высшее образование? Вообще, каковы критерии хорошего образования? Если кто-то хорошо разбирается в той или иной точной науке или в технике, значит ли это, что он непременно будет сторонником модернизации?

Та светская рациональная культура, которая прививалась в университетах в СССР, способствовала модернизации, как бы ее ни называть, потому что в начале горбачевских времен хорошее спорило с лучшим, шел спор о том, какой модерн правильный, коммунистический или капиталистический. Вот в той старой схеме можно было рассчитывать, что больше образования значит больше модерна. А в наши дни никакой ясности нет, кроме только того, что хорошая подго-

товка в определенных областях может способствовать в дальнейшем большей эффективности, все равно чего, будь то управление финансами или фундаментальные науки.

Но **основная схема модерна как абсолютного мерила любых образовательных результатов никого не устроит.** Здесь многое надо продумать заново. И, в частности, ситуацию с разделением академических структур и университетских. Проблем с Академией наук много. Но представить себе, будто университеты способны поглотить всю массу дееспособных ученых, я просто не могу. Это касается и той области науки, которую я знаю лучше всего – социологии.

Наивно было бы думать, будто академическая социология никому не нужна и только выпрашивает себе кусок бюджетного пирога. Социология – это необходимая часть нашей сегодняшней жизни, немислимой без крупных исследовательских центров, долгосрочных проектов и т.п. Никакая университетская социология, сколько бы ни было исследовательских центров при университетах, ее не заменит.

А вот почему одни исследовательские центры называются Академией наук и занимают высшее, сравнительно с прочими, место в организации знания (точнее говоря, власти-знания) – это и есть самый интригующий вопрос наших дней. ■

Специально для РЖ